

Глава 36. Если только... Этот человек - гей!!!!!! (2)

На съемочной площадке Ю Цин Хуань уже нанес макияж и сидел в стороне, ожидая своей сцены, той сцены, которую он играл для своего прослушивания.

Поскольку стоимость аренды самолета была высока, съемочная группа арендовала его только на три дня, в течение которых они должны были закончить все сцены, которые нуждались в самолете, поэтому и Лю Цзя Ань, и актеры чувствовали большое давление.

Пока Ю Цин Хуань обдумывал следующий сюжет в своем сердце, Чжао Цинь Юань подкрался к нему из ниоткуда. Он взял Ю Цин Хуаня за плечо, сильно дернул его за руку и сказал с отвратительной улыбкой: "Ты нервничаешь из-за того, что будешь играть со мной позже?"

После того, как изображение в его сознании прервалось, Ю Цин Хуань взглянул на него небрежно: "Почему я должен нервничать?"

"Не может быть. - Чжао Цинь Юань не желал в это верить, он обошел вокруг и встал перед ним, пристально глядя ему в глаза, - ты не нервничаешь, играя с таким человеком, как я? Ты, должно быть, лжешь!"

"Что ты за человек? - спросил Ю Цин Хуань, - тот, кто болтал с моим автоответчиком весь день? Или кто-то, кто не может встать после того, как съел мои консервированные желтые персики?"

Голос Ю Цин Хуаня был похож на ледяную родниковую воду, холодный и чистый, и обычно звучал приятно. Однако его голос мог быть особенно ироничным, когда он говорил что-то саркастически.

Чжао Цинь Юань поперхнулся словами, внезапно встал и снисходительно посмотрел на Ю Цинь Хуаня: "Просто подожди! Я не дам тебе поблажки!"

В киностудии было установлено несколько камер. Лю Цзя Ань жестом велел актерам занять свои места, и ему не терпелось сказать: "Мотор! Начали!!"

"Я никуда не поеду! Кто угодно, только не я!" - Ю Цин Хуань мгновенно изменил свое настроение. На лбу у него вздулись вены, красивое лицо исказилось. Несмотря на сопротивление стюардесс, он изо всех сил бросился к люку: "Отойдите! Прочь с дороги! Я хочу вернуться! Выпустите меня!"

"Стой! - Пэн Чен, которого играл Чжао Цинь Юань, бросился вперед, схватил его за руку и потащил назад, - не позорьте здесь нашу больницу! Когда Вы доберетесь до поля боя, Вы можете идти туда, куда захотите. Всем плевать!"

"Чушь собачья! - Е Шен злобно посмотрел на него, - ты думаешь, я не знаю? Я никогда не смогу вернуться, если я, блядь, пойду туда! Я..."

"Снято!" - в это время Лю Цзя Ань внезапно приказал им остановиться.

Он уставился на кадры в камере и нахмурился: "Настроение Цинь Хуаня было немного неправильным. Отрегулируйте его и начните все сначала".

"Хорошо, режиссер Лю." - Ю Цинь Хуань извинился и взял у Юй Синя воду. Он выпил её, думая о том, что пошло не так.

"По-моему, ты неплохо играл", - слегка смутился Чжао Цинь Юань. Он присел на корточки рядом с Ю Цинь Хуанем, вспоминая сцену только что, и сказал об этом.

На самом деле, актерское мастерство Ю Цинь Хуаня поразило его. Если бы не знакомое лицо, он даже подумал бы, что перед ним не новичок, а соперник, обладающий такой же компетенцией.

Почему Лю Цзя Ань все еще не удовлетворен?

Лю Цзя Ань подошел к нему, когда тот все еще размышлял: "Цинь Хуань должен быть более напряженным в своей настроении, - он сделал паузу и посмотрел на Чжао Цинь Юаня, - ты такой же, атмосфера игры между вами была напряженной, но я хочу видеть, как вы двое противостояете друг другу с кинжалами".

П/п: confront each other with daggers - противостоять друг другу с кинжалами (помощью кинжалов): китайская идиома 剑拔弩张 jiàn bá nǚ zhāng - меч обнажён и натянута тетива самострела; обр. напряжённая обстановка, бряцать оружием

Двое мужчин кивнули, чтобы перевернуть смысл слов Лю Цзя Аня, а затем снова повторили это наедине. Только тогда они подали знак Лю Цзя Аню, что могут начать все сначала.

К сожалению, на этот раз их выступление все же провалилось.

“Что, черт возьми, происходит?” - Чжао Цинь Юань был несколько встревожен и схватил себя за волосы.

Он и Цинь Хуань оба играли очень хорошо и не могли видеть никаких недостатков в камере. Может быть, Лю Цзя Ань специально издевается над ними? Но ни один режиссер не стал бы над этим глумиться.

Ю Цинь Хуань тоже не мог ответить на его вопрос. Он долго размышлял и не понимал, в чем дело. Наконец, он даже пошел посоветоваться с Ван Чжэнь Шэном.

Однако Ван Чжэнь Шэн только ответил: “Как и режиссер Лю, я тоже почувствовал что-то неладное, но не могу сказать, где именно. Ты должен сам во всем разобраться.”

Ю Цинь Хуань и Чжао Цинь Юань пытались понять это во время съемок. Они повторили это дюжину раз. Наконец, Ю Цинь Хуань оцепенел, услышав “NG” в очередной раз, но они по-прежнему не отвечали требованиям Лю Цзя Аня.

Они снимали весь день. Ю Цинь Хуань выглядел измученным и замерзшим. Все его лицо выглядело очень усталым, а глаза налились кровью. Мало того, из-за непрерывного эмоционального всплеска его голос уже охрип. Юй Синь расстроился и приготовил ему чашку чая, чтобы увлажнить горло.

“О, не волнуйся, я в порядке.” - Ю Цинь Хуань вздохнул с облегчением, сказав Юй Синю всего одну фразу, и снова погрузился в раздумья.

Лю Цзя Ань всегда говорил, что его эмоции были недостаточно сильны, но он чувствовал, что уже показал достаточно. Нужно ли было еще больше преувеличивать? Нет, это не так....

Тогда Ю Цинь Хуань изменил свой образ мыслей. Он думал, что причина конфликта Е Шена с Пэн Ченом была в том, что он не хотел идти на поле боя, в то время как причина этого была ...

Глаза Ю Цинь Хуаня внезапно засияли светом! Он все понял! Е Шэн боялся смерти!

То, что он должен был показать, было страхом смерти Е Шена!

Неудивительно, что Лю Цзя Ань всегда говорил, что у него не тот настрой!

Опасаясь, что это вдохновение пройдет, Ю Цинь Хуань быстро взял на себя инициативу найти Лю Цзя Аня.

И действительно, на этот раз Лю Цзя Ань не остановился, и его выступление наконец было принято.

Наконец Ю Цин Хуань почувствовал облегчение, взял у Юй Синя пуховик и надел его. Когда он уже собирался спросить Чжао Цинь Юаня, не хочет ли тот вернуться с ним, чтобы отдохнуть, он услышал, как собеседник говорит по телефону: "Мама? Почему ты звонишь мне так поздно? Я? Я снимаю фильм. Конечно, я устал. Я сейчас же вернусь и отдохну. Нет, не приходи. Я хуждею. Я не могу есть то, что ты мне посылаешь..."

Чжао Цинь Юань был словоохотлив, кокетлив и капризен, что было исключительным правом детей, купающихся в любви.

Глаза Ю Цин Хуаня постепенно потускнели. Он глубоко вздохнул и повернулся к Юй Синю: "Дружище, пойдём домой".

Юй Синь видел, что его лицо было не совсем правильным, и, наконец, он не удержался от вопроса: "Цин Хуань, ты сердисься на режиссера Лю? Эй, почему ты вдруг стал узколобым? Не сердись, просто покажи себя хорошо в следующий раз".

Ю Цин Хуань издал "Эмм " и отвел свои неудержимо завистливые глаза, устремленные на Чжао Цинь Юаня.

Автору есть что сказать:

Хо Цюй: Отпусти меня! Я хочу вернуться в Китай чтобы помочь Цин Хуаню!

Чен Я: держу пари, что ты даже не можешь выйти со стоянки...

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/14504/1283726>